

Новиков Д.П.

США И ДИСКУССИЯ ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (2008–2014)

Аннотация. Предметом исследования данной статьи является выработка американского подхода к вопросу о реформе институциональной архитектуры европейской безопасности в период политики «перезагрузки». Особое внимание уделяется внутривнутриполитической дискуссии в США по этому вопросу, определившей фарватер возможных уступок Вашингтона в отношении российских предложений по коренному пересмотру системы европейской безопасности после военного конфликта в Грузии в августе 2008 г. Освещаются причины отказа США от реформы евроатлантических институтов и последствия этого подхода, одним из которых стал вспыхнувший в 2014 г. украинский кризис. Исследование опирается на методологическую традицию теории неоклассического реализма, в рамках которого политика США рассматривается как ответ на структурный вызов внешней среды, в данном случае — «расшиатывание» архитектуры европейской безопасности после Августовской войны 2008 г. Новизна научного исследования заключается в выявлении прочной увязки между нынешним кризисом европейской безопасности (украинский кризис) и предложенной администрацией Б. Обамы повесткой политики «перезагрузки». Крайне ограниченный подход к предложениям Москвы о реформе институциональной архитектуры европейской безопасности и фокусировка на тактических вопросах предопределили затухание «перезагрузки» и усиление в американской внутривнутриполитической конфигурации сторонников «жесткого» подхода к России и сохранения институтов евроатлантической безопасности в максимально неизменном виде. Это во многом стало катализатором политических трений, приведших к украинскому кризису 2014 г.

Ключевые слова: США, Россия, Европейская безопасность, НАТО, Международные институты, Российско-американские отношения, Украинский кризис, Противоракетная оборона, Перезагрузка, Международная безопасность.

Review. The subject of the research in the present article is the elaboration of the American approach to the issue of reformation of the institutional architecture of the European security during the «reset» policy. Special attention is paid to the domestic discussion in the USA regarding this issue, which defines the line of the possible concessions of Washington regarding Russian proposals about radical reconsideration of the system of European security after the military conflict in Georgia in August 2008. The article highlights the reasons of the USA's rejection to reform the Euro-Atlantic institutions and the consequences of such an approach, one of which was the Ukrainian crisis that emerged in 2014. The research is based on the methodological traditions of neoclassical realism, within the framework of which the American policy is considered as a response to a structural challenge of external environment, in this case — «shattering» of the architecture of European security after the August War in 2008. The academic novelty of the research lies in the demonstration of a tight connection between the current crisis of European security (the Ukrainian crisis) and the agenda of the «reset» policy proposed by B. Obama's administration. A rather limited approach to Moscow's proposals regarding reformation of the institutional architecture of European security and focussing on the tactical issues destined the fading of the «reset» and strengthening of the supporters of a «tough» approach towards Russia in the American domestic configuration, who also support the maximal preservation of the existing institutes of Euro-Atlantic security. To a great extent it accelerated political tensions that led to the 2014 Ukrainian crisis.

Keywords: Ukrainian crisis, Russian-American relations, International institutions, NATO, European security, Russia, USA, Missile defence, Reset, International security.

РОССИЯ ПРЕДЛАГАЕТ ДИАЛОГ: «НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

Запуск обширной дискуссии по коренной модернизации и ревизии институциональной системы международной безопасности в Европе был инициирован Россией в 2008–2009 гг. как ответ на системный кризис в российско-западных отношениях. Основные проблемы, к решению которых безотлагательно призывала российская сторона, были сформулированы в т.н. «Мюнхенской речи» Президента В. Путина еще в 2007 г.^[8] К ним относилась озабоченность построением по сути НАТО-центричной системы безопасности в Европе после окончания «холодной войны»; превращение общеевропейских институтов безопасности в «инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран в отношении других стран»; продвижение к границам России не только политической, но и военной инфраструктуры НАТО, включая развертывание ЕвроПРО; дискриминационный характер ряда институционально-правовых норм европейской системы безопасности, в частности ДОВСЕ, в отношении России при общей деградации международного права как гаранта суверенитета и безопасности. При этом российская критика являлась приглашением к активному диалогу по разрешению накопившихся противоречий, ликвидации дефицита доверия, образовавшегося в российско-западных отношениях.

Первые конкретные российские предложения были сформулированы в выступлении Президента России Д. Медведева в Берлине в июне 2008 г.^[4] Новый глава российского государства призвал западные страны к комплексной политико-правовой ревизии сложившейся после «холодной войны» архитектуры европейской безопасности. Центральным предложением российского президента стала впервые озвученная идея нового всеобъемлющего, юридически обязывающего Договора о европейской безопасности, который «внес бы окончательную ясность в значение фактора силы во взаимоотношениях в евроатлантическом сообществе». Для обсуждения нового договора глава российского государства призвал к созыву общеевропейского саммита и диалогу на всех ключевых площадках евроатлантической безопасности. Доктринально стремление Москвы к пересмотру архитектуры европейской безопасности было закреплено в Концепции внешней политики РФ (июль 2008 г.)^[3].

Курс на открытие и развитие комплексного диалога по реформе сложившейся после Холодной войны системы европейской безопасности был уси-

лен обеими сторонами после августовской войны 2008 г., приведшей к резкому, но ограниченному во времени похолоданию между Россией и Западом. Тогда применение Россией военной силы для принуждения Грузии к остановке военной операции в Южной Осетии оказало отрезвляющее действие на западные и прежде всего европейские элиты. Так, в качестве главного посредника в переговорах по урегулированию грузинского кризиса выступил президент председательствовавшей тогда в ЕС Франции Н. Саркози. В ходе совместной конференции с Д. Медведевым после принятия т.н. «плана Медведева-Саркози» французский лидер отметил, что «вопрос отношений между Россией и Европой — это вопрос стратегический в том плане, что мы хотим иметь хорошие отношения с Россией. Более того, мы хотим укреплять отношения между Европой и Россией»^[1].

Сильная группа влияния, выступающая за прагматичное обновление отношений с Россией, сформировалась и в США. Приход в январе 2009 г. новой администрации во главе с Б. Обамой, провозгласившей политику «перезагрузки» стало приглашением к диалогу по ключевым «болевым точкам» российско-западных отношений, большая часть из которых относилась к проблеме несбалансированной архитектуры европейской безопасности.

К тому времени российские предложения получили свое подтверждение и развитие в выступлениях Президента РФ на Конференции по мировой политике в Эвиане (8 октября 2008 г.)^[5] и саммите Россия — ЕС в Ницце (ноябрь 2008 года)^[6]. 29 ноября 2009 г. странам Европы и ключевым региональным организациям российской стороной был представлен проект Договора о европейской безопасности^[7], предлагавший ясные правовые гарантии и механизмы реформы существующей на евроатлантическом пространстве институциональной организации, без ее «опрокидывания» или демонтажа. Москва, таким образом, выдвинула предложение не о коренной перестройке архитектуры, но о ее существенной модификации в соответствии с учетом интересов России и других стран, находящихся вне рамок НАТО-центричной системы безопасности.

Российские предложения явились стимулом запуска на евроатлантическом пространстве обширной дискуссии по будущей конфигурации европейской системы безопасности на всех уровнях: экспертно-аналитическом, национальном и на площадках международных институтов и организаций. Эта дискуссия условно проходила в три этапа: 2009–2010 гг. — активная фаза российско-западного диалога по поиску компромисса о новых модально-

стях и условиях функционирования европейской системы безопасности, 2011–2014 гг. — затухание и «забалтывание» дискуссии на политическом уровне, 2014 — н.в. — возврат к обсуждению реформы системы европейской безопасности в условиях ее фактического развала, выхода политических противоречий в военно-силовую плоскость. Ниже будет рассмотрен американский подход в ходе первых двух этапов, в значительной степени обусловивший вспыхнувший в 2014 г. кризис европейской безопасности.

АМЕРИКАНСКИЙ ПОДХОД К ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ «ПЕРЕЗАГРУЗКИ»

«Перезагрузка» отношений с Россией стала одним из приоритетных направлений пришедшей к власти в 2009 г. администрации Б. Обамы. В то же время вопрос о диалоге с Москвой о новой архитектуре европейской безопасности, прежде всего — ее институционально-правовую реформу, с самого начала являлся дискуссионным. Политика «перезагрузки» российско-американских отношений рассматривалась как часть глобальной стратегии вовлечения развивающихся центров силы в американоцентричный порядок. Ее поддерживали политические силы, нацеленные на прагматичную переоценку стратегических императивов и возможностей США на международной арене, включавших ряд таких влиятельных фигур как бывшие госсекретари США Г. Киссинджер и М. Олбрайт, а также часть либеральных интернационалистов, допускавших возможность демократических преобразований в России под влиянием снижения российско-западной конфронтации и возвращения Москвы к прозападному треку внешней политики.

В то же время, господствовавшая в американском внешнеполитическом дискурсе трактовка укрепления трансатлантических связей подразумевала, что чрезмерное вовлечение в них Москвы могло стать фактором нарушения их монолитности и ослабления. Таким образом, две части стратегии администрации Обамы в области укрепления европейской безопасности объективно вступали в противоречие друг с другом, являясь наиболее ее слабым звеном. Этой уязвимостью активно пользовались критики Б. Обамы и его политики. Так, один из видных республиканцев Р. Перри активно критиковал «перезагрузку», указывая на то, что Россия «все более агрессивна и проблематична для своих соседей и бывших сателлитов»^[10]. Однако, в 2009–2011 гг. — период, когда позиции сторонников «вовлечения» России были сильны, действующая

администрация полагала возможным «усидеть на двух стульях». Так, в опубликованном докладе «группы мудрецов» по подготовке новой стратегии НАТО, председатель группы экс-госсекретарь США М. Олбрайт отвергла саму постановку вопроса о необходимости выбирать между укреплением НАТО и развитием стратегического диалога с Москвой, уверяя, что США могут выполнить все обязательства перед союзниками «без нанесения ущерба законным интересам России»^[16]. Такой подход, однако, фактически предполагал заведомо ограниченный формат диалога с Россией относительно любых изменений в институциональной системе евроатлантической безопасности, способных как-либо подвергнуть сомнению американские гарантии безопасности, снизить роль НАТО и лидирующую роль США.

Так, и демократы, и республиканцы в целом критично отнеслись к предложенной в 2009 г. российской инициативе о новом Договоре по европейской безопасности. Ни в политической, ни в экспертной среде практически не раздавалось слышимых голосов в поддержку предлагаемой Москвой политико-правовой реформы евроатлантического пространства безопасности. Даже настроенная на диалог и провозгласившая «перезагрузку» администрация Обамы изначально заявила о неготовности обсуждать его серьезную правовую и институциональную реформу. Оценивая российские предложения, Вашингтон дал понять, что «перезагрузка» не включает в себя пересмотр сложившейся политико-институциональной конфигурации европейской безопасности, прежде всего НАТО и ОБСЕ, равно как и добавление к ним юридически обязывающих международно-правовых норм — об этом в частности ясно заявила госсекретарь США Х. Клинтон выступая с речью об американском подходе к европейской безопасности во время официального визита во Францию (январь 2010 г.), через несколько месяцев после того, как Россия предложила проект нового Договора о европейской безопасности^[11].

Более того, в американской экспертной и политической среде в конце 2009–2010 гг. активно обсуждались возможности предлагаемого Москвой Договора о европейской безопасности по ослаблению трансатлантических связей, особенно в условиях падения морального авторитета США в результате политики администрации Дж. Буша-младшего^[18]. Эти же опасения подпитывали и противников реформы институтов европейской безопасности в экспертной среде Европы^[13p.55,14]. Критики российских инициатив трактовали их как попытку перехватить

американское лидерство в определении конфигурации европейской безопасности, деконсолидировать Запад и способствовать мягкому демонтажу Организации Североатлантического Договора как институциональной опоры евроатлантической безопасности. Некоторые аналитики, особенно со стороны критически настроенного по отношению к администрации Обамы и оказывающего большое влияние на формирование республиканской внешнеполитической повестки неоконсервативного течения прямо указывали на то, что истинной целью Москвы является не коллективная безопасность, а укрепление и расширение своих сфер влияния на постсоветском пространстве и, вероятно, в Восточной Европе, изменение баланса сил свою пользу и построение собственной безопасности за счет соседних стран. Подобная широко распространенная в американских политических и экспертно-аналитических кругах трактовка российских целей делала принятие и даже серьезное обсуждение предложенной Москвой новой архитектуры европейской безопасности политически неприемлемым. Показательно, что российский призыв к политико-институциональной реформе системы европейской безопасности даже не стал предметом серьезной дискуссии в традиционно принимающей активное участие во внешнеполитическом процессе законодательной ветви власти США, будучи отвергнутым на уровне администрации и раскритикованным экспертно-аналитическими кругами.

Вместо этого сторонники диалога с Россией в администрации и влиятельных «мозговых центрах» (Институт Брукинга, Нью-Йоркский Совет по внешней политике) предлагали преодоление сложившегося в российско-американских отношениях дефицита доверия за счет развития сотрудничества с Москвой на двусторонней основе. Этот подход предполагал сохранение узкого фарватера возможных договоренностей. Можно выделить следующие черты, которым он обуславливался:

- безоговорочное сохранение роли НАТО как институционального ядра евроатлантической безопасности
- невозможность фундаментальной перестройки существующих институтов, которая способствовала бы принципиальному изменению их роли в существующей конфигурации евроатлантической безопасности (при этом декларативно допускалась их ограниченная модификация)
- непризнание, формально или неформально, права России на сферу эксклюзивных интересов, в том числе для обеспечения своей наци-

ональной безопасности, что включало и принципиальное непризнание Южной Осетии и Абхазии как независимых государств. Последнее обстоятельство не позволяло интегрировать новые государства в региональные институты международной безопасности, что делало безальтернативным их обращение к российскому «зонтику безопасности»

- невозможность принципиального отказа США от поддержки демократических процессов в постсоветских республиках, включая саму Россию, в том числе через международные институты безопасности («третья корзина» ОБСЕ, позиционирование НАТО как института защиты и продвижения демократических ценностей)
 - принципиальное неприятие «правового» подхода Москвы — т.е. попытки запустить обновление европейской архитектуры безопасности вокруг принятия юридически обязывающих международно-правовых актов, прежде всего нового Договора о европейской безопасности
- Таким образом, комплексный подход к преодолению сложившихся в российско-западных отношениях противоречий и построению общеевропейского пространства безопасности от Ванкувера до Владивостока, ядром которого было бы создание жесткой и обязывающей правовой базы и деидеологизация институтов безопасности, оказался, по сути, отвергнут, а диалог распался на отдельные вопросы, обсуждение которых шло с разной, иногда разнонаправленной динамикой.

Таким образом, господствовавшая в американском внешнеполитическом дискурсе трактовка укрепления трансатлантических связей подразумевала, что чрезмерное вовлечение в них Москвы могло стать фактором нарушения их монолитности и ослабления. Таким образом, две части стратегии администрации Обамы в области укрепления европейской безопасности объективно вступали в противоречие друг с другом, являясь наиболее ее слабым звеном.

Это обрекало российско-американский диалог на заведомо узкую повестку дня без существенной ревизии фундаментальных противоречий. Во внутривластной и экспертной дискуссии по вопросу о новой политике в отношении евроатлантического пространства безопасности и пределах участия России в нем на первый план вышло обсуждение набора конкретных инициатив администрации Обамы по «перезагрузке» российско-американских отношений.

Центральное место в этой дискуссии в 2009–2010 гг. занял вопрос об ограничении стратегиче-

ских вооружений и связанная с ним проблема ЕвроПРО. Заключение нового договора СНВ с Россией стало главным аргументом администрации Обамы во внутриполитических дебатах, в известной степени позволявшим «отстоять» ряд шагов навстречу Москве: временную приостановку продвижения евроатлантических институтов, снижение поддержки процессов демократизации на постсоветском пространстве, значительное урезание программы развертывания ПРО в Европе. В свою очередь ЕвроПРО рассматривалось в этот период как потенциальный «мост от соперничества к сотрудничеству» за счет объединения информационно-аналитических и технических возможностей России и США в этой области ^[9].

Однако, конвертации ряда тактических уступок в стратегическое движение России навстречу Западу, ее интеграции в евроатлантическую систему безопасности в качестве младшего партнера с заведомо ограниченными возможностями не произошло, во многом из-за заведомо проигрышной ставки на диалог об ограничении вооружений как основу «перезагрузки» ^[2]. Это сделало предметный диалог об институциональном переустройстве архитектуры европейской безопасности невозможным. Дискуссия о ее реформе оказалась обречена на затухание.

ЗАТУХАНИЕ ДИАЛОГА: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НЕБЕЗОПАСНОСТИ?

К концу 2010 г. стали очевидными кризисные явления в переговорах по ПРО, ставших некой микро-моделью и полигоном российско-американского диалога по региональной безопасности. Вашингтон ясно дал понять, что не готов даже обсуждать идею юридически обязывающих правовых гарантий ненаправленности противоракетных систем против России. Однако, в самих США даже урезание программы ПРО и вовлечение России в диалог по ПРО уже вызвали критику, накладывающую жесткие рамки на пределы возможных уступок. Так, уже на ранних этапах обсуждения СНВ-3 в 2009 г. сенатский комитет по внешней политике обозначил однозначное неприятие увязки Договора с любыми ограничениями по размещению ПРО, на которой настаивала Москва ^[см: 17], закрыв тем самым наиболее реальную возможность правового закрепления статуса противоракетных систем в Европе. После подписания Договора администрация Обамы постепенно дезавуировала даже декларативные обязательства, данные в период переговоров. Таким образом, идея создания инклюзивной системы ПРО, как

микро-модели инклюзивной системы европейской безопасности в целом, оказалась невостребованной на американском внутриполитическом рынке и быстро перешла в стадию «забалтывания» во внешнеполитическом диалоге.

Неготовность Вашингтона не только к пересмотру фундаментальных основ системы европейской безопасности, но ограниченный подход даже к таким «тактическим» моментам, как ЕвроПРО, стали критической слабостью политики «перезагрузки».

Тупик, в который зашла «перезагрузка» к 2011 г. привел к затуханию и выхолащиванию диалога по институциональной реформе европейской безопасности на международном уровне и постепенному ослаблению сторонников «перезагрузки» во внутренних дебатах. Это активизировало сторонников возврата к одностороннему развитию евроатлантического пространства безопасности за счет расширения НАТО, а также привело к разочарованию в проводимой политике идеологизированного крыла внешнеполитического блока в лице либеральных интернационалистов.

Так, один из их признанных лидеров, покидающая пост госсекретаря Х. Клинтон в декабре 2012 г. назвала инициированный Москвой проект евразийской интеграции попыткой «ресоветизации постсоветского пространства» ^[12]. К 2013 г. во внешнеполитической команде Белого дома и государственного департамента, отвечающей за европейское и евразийское направление критически усилились позиции идеологически ангажированных сторонников «жесткой» линии в отношении Москвы (В. Нуланд, С. Пауэр, С. Райс). Разочарование в «перезагрузке» наступило и в экспертно-аналитических кругах, в том числе и среди самих авторов концепции. Вскоре после отставки, уже на фоне ухудшения политической ситуации на Украине от «перезагрузки» откестился ее «отец», экс-посол США в России, профессор Стэнфордского университета М. Макфол ^[15]. Разочарование в «перезагрузке» подготовило переход администрации Обамы к политике, которую она изначально отвергала: окончательная заморозка диалога по ПРО, возврат в повестку дня расширения НАТО на Восток при параллельном усилении политической поддержки продвижения европейских институтов, возвращение к практике активной поддержки демократических движений в постсоветских странах.

Этот клубок противоречий во многом стал системной основой российско-американской конфронтации вокруг Украины. Для Вашингтона резкое

похолодание российско-американских отношений в результате украинского кризиса сделало «жесткую» линию безальтернативной, окончательно похоронив во внутривнутриполитических дебатах идею вовлечение России в институциональную систему европейской безопасности с по крайней мере частичным учетом интересов Москвы. Верх взяла логика сдерживания России и поддержания «линий разделения» в Европе.

Возврат к политике продвижения евроатлантических институтов на восток означал бы, по сути,

институционализацию этих «линий разделения» на неопределенный срок. Едва ли такая конфигурация, основанная на сохранении нетронутой сложившейся институциональной организации, способна сделать Европу более безопасной. Однако, благоприятный момент для фундаментальной реформы европейской безопасности, прежде всего — ее институциональной организации, оказался упущен — во многом из-за фокуса «перезагрузки» на тактических вопросах в ущерб стратегическому подходу в отношениях с Москвой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам переговоров с Президентом Франции Николя Саркози // Президент России, 12.08.08. [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1072> (Дата последнего входа: (20.08.2015)).
2. Караганов С. А. Карта мира: обреченная перезагрузка // Россия в глобальной политике, 28.08.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Karta-mira-Obrechennaya-perezagruzka-16100> (Дата последнего входа: (20.08.2015)).
3. Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (Дата последнего входа: (20.08.0215)).
4. Медведев Д. А. Выступление на встрече с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии // Президент России, 05.06.08. [Официальный сайт]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/06/202133.shtml> (Дата последнего входа: (20.08.0215)).
5. Медведев Д. А. Выступление на Конференции по вопросам мировой политики // Президент России, 08.10.08. [Официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1659> (Дата последнего входа: (20.08.0215)).
6. Мировое сообщество должно отказаться от односторонних шагов при решении вопросов, касающихся европейской безопасности // Президент России, 14.11.08. [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/2083> (Дата последнего входа: (20.08.0215)).
7. Проект Договора о европейской безопасности // Президент России. [Официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/6152> (Дата последнего входа: (20.08.0215)).
8. Путин В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России, 10.02.2007. [Официальный сайт]. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (Дата последнего входа: (20.08.0215)).
9. Тренин Д. В. ЕвроПРО как смена стратегической игры // Россия в глобальной политике. № 2, 2011. [Электронный ресурс]. <http://www.globalaffairs.ru/number/EvroPRO-kak-smena-strategicheskoi-igry-15188> (Дата последнего входа: (20.08.0215)).
10. Bando D. Rick Perry: Know-Nothing Neoconservatism Reincarnated? // The National Interest, August 23, 2011. [Electronic Website]. URL: <http://www.nationalinterest.org/commentary/rick-perry-know-nothing-neoconservatism-reincarnated-5792> (accessed: 19.08.15).
11. Clinton H. R. Remarks on the Future of European Security // U. S. Department of State, 29.01.2010. [Official Website]. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/136273.htm> (accessed: 20.08.2015).
12. Clover C. Clinton vows to thwart new Soviet Union // The Financial Times, December 6, 2012. [Electronic Website]. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/a5b15b14-3fcf-11e2-9f71-00144feabdc0.html#axzz3jNT8xLhJ> (accessed: 12.08.2015).
13. Fedorov Y. Medvedev's Initiative: A Trap for Europe? // Central European Journal of International and Security Studies. Vol. 3, issue 2, November 2009.
14. Lo B. Medvedev and the new European security architecture // Center for European Reform. [Electronic Website]. URL: http://www.cer.org.uk/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/pbrief_medvedev_july09-741.pdf (accessed: 19.08.15).

15. McFaul M., Sestanovich S., Mearsheimer J. Faculty Powers. Who Started the Ukrainian Crisis // Foreign Affairs. November/December, 2014.
16. NATO 2020: assured security; dynamic engagement // NATO. [Official Website]. URL: <http://www.nato.int/strategic-concept/strategic-concept-report.html> (accessed: 15.08.2015).
17. The New START Treaty (Treaty Doc. 111–5): Maintaining a Safe, Secure and Effective Nuclear Arsenal // United States Senate Committee on Foreign Relations. [Official Website]. URL: <http://www.foreign.senate.gov/hearings/the-new-start-treaty-treaty-doc-111-5-maintaining-a-safe-secure-and-effective-nuclear-arsenal> (accessed: 12.08.2015).
18. Weitz R. The Rise and Fall of Medvedev's European Security Treaty // The German Marshall Fund of the United States. [Electronic Website]. URL: file:///D:/Downloads/1338307624Weitz_MedvedevsEST_May12.pdf (accessed: 12.08.2015).

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Zayavleniya dlya pressy i otvety na voprosy zhurnalistov po itogam peregovorov s Prezidentom Frantsii Nikolaya Sarkozi // Prezident Rossii, 12.08.08. [Ofitsial'nyi sait]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1072> (Data poslednego vkhoda: (20.08.2015).
2. Karaganov S. A. Karta mira: obrechennaya Perezagruzka // Rossiya v global'noi politike, 28.08.2013. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Karta-mira-Obrechennaya-perezagruzka-16100> (Data poslednego vkhoda: (20.08.2015).
3. Kontsepsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii // Prezident Rossii [Ofitsial'nyi sait]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (Data poslednego vkhoda: (20.08.0215).
4. Medvedev D. A. Vystuplenie na vstreche s predstaviteleyami politicheskikh, parlamentskikh i obshchestvennykh krugov Germanii // Prezident Rossii, 05.06.08. [Ofitsial'nyi sait]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/06/202133.shtml> (Data poslednego vkhoda: (20.08.0215).
5. Medvedev D. A. Vystuplenie na Konferentsii po voprosam mirovoi politiki // Prezident Rossii, 08.10.08. [Ofitsial'nyi sait]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1659> (Data poslednego vkhoda: (20.08.0215).
6. Mirovooe soobshchestvo dolzhno otkazat'sya ot odnostoronnikh shagov pri reshenii voprosov, kasayushchikhsya evropeiskoi bezopasnosti // Prezident Rossii, 14.11.08. [Ofitsial'nyi sait]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/2083> (Data poslednego vkhoda: (20.08.0215).
7. Proekt Dogovora o evropeiskoi bezopasnosti // Prezident Rossii. [Ofitsial'nyi sait]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/6152> (Data poslednego vkhoda: (20.08.0215).
8. Putin V. V. Vystuplenie i diskussiya na Myunkhenskoj konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti // Prezident Rossii, 10.02.2007. [Ofitsial'nyi sait]. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (Data poslednego vkhoda: (20.08.0215).
9. Trenin D. V. EvroPRO kak smena strategicheskoi igry // Rossiya v global'noi politike. № 2, 2011. [Elektronnyi resurs]. <http://www.globalaffairs.ru/number/EvroPRO-kak-smena-strategicheskoi-igry-15188> (Data poslednego vkhoda: (20.08.0215).
10. Bandow D. Rick Perry: Know-Nothing Neoconservatism Reincarnated? // The National Interest, August 23, 2011. [Electronic Website]. URL: <http://www.nationalinterest.org/commentary/rick-perry-know-nothing-neoconservatism-reincarnated-5792> (accessed: 19.08.15).
11. Clinton H. R. Remarks on the Future of European Security // U. S. Department of State, 29.01.2010. [Official Website]. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/136273.htm> (accessed: 20.08.2015).
12. Clover C. Clinton vows to thwart new Soviet Union // The Financial Times, December 6, 2012. [Electronic Website]. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/a5b15b14-3fcf-11e2-9f71-00144feabdc0.html#axzz3jNT8xLhJ> (accessed: 12.08.2015).
13. Fedorov Y. Medvedev's Initiative: A Trap for Europe? // Central European Journal of International and Security Studies. Vol. 3, issue 2, November 2009.
14. Lo B. Medvedev and the new European security architecture // Center for European Reform. [Electronic Website]. URL: http://www.cer.org.uk/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/pbrief_medvedev_july09-741.pdf (accessed: 19.08.15).

15. McFaul M., Sestanovich S., Mearsheimer J. Faculty Powers. Who Started the Ukrainian Crisis // Foreign Affairs. November/December, 2014.
16. NATO 2020: assured security; dynamic engagement // NATO. [Official Website]. URL: <http://www.nato.int/strategic-concept/strategic-concept-report.html> (accessed: 15.08.2015).
17. The New START Treaty (Treaty Doc. 111–5): Maintaining a Safe, Secure and Effective Nuclear Arsenal // United States Senate Committee on Foreign Relations. [Official Website]. URL: <http://www.foreign.senate.gov/hearings/the-new-start-treaty-treaty-doc-111-5-maintaining-a-safe-secure-and-effective-nuclear-arsenal> (accessed: 12.08.2015).
18. Weitz R. The Rise and Fall of Medvedev's European Security Treaty // The German Marshall Fund of the United States. [Electronic Website]. URL: file:///D:/Downloads/1338307624Weitz_MedvedevsEST_May12.pdf (accessed: 12.08.2015).